

УДК 342.565.2

О КОЛЛИЗИЯХ В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

А.М. Фарухшин, кандидат юридических наук, г. Москва

Коллизии в праве представляют собой обычное, хотя и нежелательное явление. Но при объективном подходе нельзя отрицать наличие и по существу неизбежность противоречий в действующем законодательстве, пробелов в праве, различий в судебных интерпретациях. Одним из примеров коллизий в конституционно-правовом регулировании является противоположное толкование одних и тех же вопросов федеральным и региональным конституционными судами. Сошлюсь на разное толкование двух вопросов и отражающих их правовых норм Конституционным Судом Российской Федерации и Конституционным судом Республики Татарстан.

Первый вопрос касается суверенитета республики. Позиция Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу о суверенитете республик в составе РФ твердо выражена в постановлении от 7 июня¹ и определении от 27 июня 2000 г.² В этих документах Конституционный Суд объявил положения о суверенитете республик, содержащиеся в их основных законах, неконституционными, т. е. противоречащими федеральной Конституции. Суд исходил из целостности и неделимости суверенитета даже в федеративном государстве, а также из того, что единственным носителем суверенитета является многонациональный народ России. Суд однозначно, без всяких

оговорок высказался против признания за субъектами Российской Федерации какого бы то ни было государственного суверенитета, объявив его качественным состоянием федеративного государства в целом. По мнению суда, Конституция Российской Федерации не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации. Суверенитет Российской Федерации, в силу Конституции Российской Федерации, исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью, т.е. не допускает суверенитета ни республик, ни иных субъектов Российской Федерации.

Конституционный Суд исходил, в частности, из того, что положения республиканских конституций, устанавливающие, что народ республики является носителем суверенитета и источником (единственным источником) власти в республике, исключают тем самым, что таким источником является многонациональный народ Российской Федерации. И суд не мог занять иную позицию, поскольку из признания того, что народ республики является носителем суверенитета

и единственным источником власти, следовало признание государственного суверенитета республики как производного от суверенитета народа республики.

В предлагаемой статье не ставится задачей разбор аргументации Конституционного Суда Российской Федерации, которая не является безупречной. Это уже сделано достаточно подробно и доброту в научной литературе. Правовая позиция Конституционного Суда России не получила всеобщего одобрения научной общественности. Его постановление вызвало большое число вопросов, на которые так и не был дан вразумительный ответ. Значительное число ученых приводит в обоснование своей позиции достаточно убедительные аргументы и признает ограниченный суверенитет субъектов Российской Федерации, включая, прежде всего, республики^{3,4}.

В данном случае представляет интерес другой вопрос, как оценивать разное толкование одного и того же вопроса судами разного уровня – федерального и регионального.

Дело в том, что проблемой суверенитета субъектов Федерации в преломлении к суверенитету нашей республики занимался и Конституционный суд Республики Татарстан, рассматривая в феврале 2003 г. дело о толковании положения части первой ст. 1 Конституции Республики Татарстан. В принятом по данному делу Постановлении от 7 февраля 2003 г. № 8-П Конституционный суд Республики Татарстан основывался на решении проведенного в республике 21 марта 1992 г. референдума в части вопроса о том, что Республика Татарстан является суверенным государством. По мнению суда, это решение «приобрело значение правовой нормы высшего уровня – нормы, утвержден-

ной высшим непосредственным выражением власти народа». При этом, как полагает суд, «решение референдума Республики Татарстан от 21 марта 1992 г. в части вопроса о том, что Республика Татарстан – суверенное государство, сохраняет свою юридическую силу до настоящего времени». Другие аргументы Конституционного суда РТ, относящиеся к обоснованию государственно-правового статуса Республики Татарстан, также представляются достаточно убедительными.

Другой пример связан с содержащимся в Конституции Республики Татарстан требованием о том, что кандидат в Президенты РТ республики должен владеть двумя государственными языками – татарским и русским. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращался к подобным положениям, содержащимся в конституциях некоторых других республик в составе Российской Федерации. Его правовая позиция по этому вопросу сводится к тому, что предъявляемое конституциями некоторых республик требование к кандидату на должность президента республики владеть государственными языками этой республики противоречит Конституции Российской Федерации, а значит является недействующим и не подлежащим применению.

В данном случае Конституционный суд исходит из признания указанного требования ограничением пассивного избирательного права. Но такое ограничение избирательного права может быть установлено только федеральным законом или в строгом соответствии с ним (когда федеральный закон допускает установление таких ограничений законодательством субъектов Российской Федерации). Однако на уровне федерального законодательства не предусмотрено ни

ограничение пассивного избирательного права граждан в виде требования знания кандидатом на должность президента республики государственного языка, установленного республикой, ни возможность установления такого ограничения законодательством республик. Из этого следует, что названное требование не соответствует Конституции Российской Федерации и не может применяться.

Этой позиции придерживаются и суды общей юрисдикции. Например, при рассмотрении в 2001 г. жалобы заявителя о признании недействительной нормы конституции субъекта Российской Федерации о том, что президентом республики может быть гражданин, владеющий русским языком и государственным языком этой республики, суд отказал в удовлетворении жалобы. При этом суд сослался на ч. 1 и 2 ст. 68 Конституции РФ о том, что государственным языком Российской Федерации на всей территории является русский язык, а республики вправе устанавливать свои государственные языки.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда и удовлетворила заявленное требование, указав, в частности, на то, что гражданин Российской Федерации имеет право избирать и быть избранным независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обязательств. Конституция запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам языковой принадлежности (ч. 2 ст. 19).

Закрепленное в ч. 2 ст. 68 Конституции РФ право республик в со-

ставе Федерации устанавливать свои государственные языки наряду с государственным языком Российской Федерации не свидетельствует об обязательности предъявления в данных республиках специальных требований к знанию этих языков в качестве условия приобретения пассивного избирательного права, в том числе и при выборах главы государства⁵.

Указанное требование, содержащееся в Конституции Республики Татарстан и республиканском законе о выборах Президента республики, признано недействующим и не подлежащим применению решениями Верховного суда Республики Татарстан от 02.02.2001 г. и 03.10.2001 г. Это требование противоречит также Постановлению Конституционного Суда РФ от 24.06.1997 г. и его же Определению от 13.11.2001 г. Смысл отказа от лингвистического ценза заключается в том, чтобы дать самому избирателю право решать, какие требования в этой области предъявить к соискателю выборной должности, какие из них поставить на первое место, а какие отставить на второй план

Данную проблему рассматривал и Конституционный суд Республики Татарстан. Он занял противоположную позицию. В своем Постановлении по делу о толковании отдельных положений ст. 5, 21, 91 Конституции Республики Татарстан от 30 мая 2003 г. № 9-П суд апеллировал к праву республики устанавливать свой государственный язык, закрепленному и в Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой устанавливаемый республикой государственный язык употребляется в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республики наряду с государственным языком Российской Федерации. При

этом Конституционный Суд РТ делал ударение в первую очередь на равноправном использовании обоих государственных языков. В Постановлении Суда нашли отражение и другие вполне обоснованные и правомерные аргументы.

Однако в обоих приведенных примерах примечателен другой факт: обсуждение Конституционным судом субъекта Федерации вопросов, по которым федеральный Конституционный Суд уже высказал свою точку зрения и определился с правовой позицией. Это специфическая правовая ситуация, которая, насколько известно, не встречалась в практике конституционного правосудия Российской Федерации.

Представляется, что в обоих случаях Конституционный суд Республики Татарстан не нарушил ни правовые, ни этические нормы. Во-первых, он действовал в ответ на запрос депутатов Государственного Совета Республики Татарстан. Во-вторых, как самостоятельный орган судебной власти республики он был вправе высказывать свою точку зрения в рамках обсуждения вопроса, относящегося к его компетенции. В-третьих, Конституционный суд РТ давал официальное толкование положений Конституции Республики Татарстан, на что он и уполномочен республиканским конституционным законодательством.

Вместе с тем трудно отрицать наличие определенной правовой коллизии, связанной с постановляющей частью решения Конституционного суда РТ. Если Конституционный суд субъекта Федерации объявляет данное им толкование «обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений», а федеральный Конституционный Суд, занявший еще раньше противоположные позиции по тем же вопросам, тоже, как обычно, настаивает на всеобщей обязательности своих решений, то, естественно, возникает вопрос, каким же документом руководствоваться всем субъектам права, обязанным подчиняться решениям судебной власти? Официальный ответ на этот вопрос пока отсутствует.

Однако есть основание полагать, что решение федерального Конституционного суда имеет большую юридическую силу, поскольку выносится от имени федеративного государства в целом, а действие его распространяется на всю территорию Федерации. В этом случае решение Конституционного суда субъекта Федерации следует рассматривать как выражение особого мнения данного судебного корпуса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2000. — № 25. — Ст. 2728.

² Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 92-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия-Алания, Республики Татарстан» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2000. — № 29. — Ст. 3117.

³ Федерализм. Энциклопедический словарь. — М.: ИНФРА-М, 1997. — С. 58, 236.

⁴ *Туровский, Р.* Разграничение компетенции между уровнями власти: мировой опыт / Р. Туровский // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2004. — № 11. — С. 23; *Тэпс, Д.* Суверенитет в теории федеративного государства / Д.Тэпс. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — С. 25; *Введенский, В.Г.* Россия: испытание федерализмом. Теория и практика отечественного и зарубежного опыта / В.Г.Введенский, А.Ю.Горохов. — М.: Серебряные нити, 2002. — С. 44; *Карапетян, Л.М.* Федеративное устройство Российского государства / Л.М.Карапетян. — М.: НОРМА, 2001. — С. 208, 229, 230, 231, 236; *Тадевосян, Э.В.* К вопросу о характере государственной власти субъекта Федерации / Э.В.Тадевосян // *Государство и право.* — 2002. — № 3. — С. 22—23.

⁵ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2001. — № 12. — С. 20—21.

Summary

By the example of definite decisions of the constitutional Court of Russian Federation and the Republic of Tatarstan the author investigates the problem of collisions in constitutional law regulations.